

тому только, что такъ говоритъ Отецъ къ Сыну, отнюдь еще нельзя думать, что существуетъ въ Немъ природное (внутреннее) Ему Слово, а Сына надо представлять другимъ нѣкимъ отличнымъ отъ Того (внутренняго Слова). Но прежде обратимъ свое вниманіе на то, что пророкъ, говорившій тайны духомъ, представляетъ намъ лице Сына и вводитъ Его слышащимъ отъ Отца: *Сынъ Мой еси Ты* (Псал. 2, 7) и слѣдующее за симъ. Построенное человѣкообразно, изреченіе это отнюдь не вынуждаетъ насъ представлять два Слова, но, объясняя неизбѣжность такого образа рѣчи примѣненіемъ къ намъ, мы со всею справедливостію должны обвинять за это немощность своей собственной природы, не имѣющей ни словъ, ни умозерцаній, кои могли бы точно выражать превышающія насъ тайны, или были бы въ состояніи съ полнымъ совершенствомъ разяснять (непостижимыя) свойства Божества. Мы должны признать, что божественная природа превышаетъ нашъ умъ и наше слово, такъ что рѣчь о ней (божественной природѣ) необходимо понимать не такъ конечно, какъ говорится, но какъ подобаетъ ей и какъ требуетъ она. А если нѣкіе изъ нечестивыхъ еретиковъ думаютъ, что мы не справедливо злоупотребляемъ такими словами, и не дозволяютъ возвышаться надъ человѣкообразностію такихъ изреченій, то справедливо должны выслушать (слѣдующее): пусть мыслится подобно намъ и Рождающій Отецъ, да не отрицаются у Него чрево и страданія ¹⁾ при рожденіи, ибо говоритъ Сыну: *изъ чрева родихъ Тя*. Но быть можетъ совсѣмъ наоборотъ,— скажутъ, что по подобію съ нами здѣсь обозначается подлинное рожденіе Сына Отцемъ. Такъ пусть благо-

¹⁾ Букв: да не отрицается Онъ отъ чрева и страданій

честиво разумѣется и то изреченіе ¹⁾, хотя и говорится человѣкообразно, — и такимъ образомъ разрѣшается терпкое ихъ и нечестивое возраженіе.

Достаточно, какъ думаю, и сего. Но такъ какъ мы предположили измышленныя вслѣдствіе ихъ законности возраженія, какъ бы нѣкую толпу непріятелей, отогнать правотою благочестивыхъ догматовъ, то и противопоставимъ имъ оправверженія, предлагая ихъ (догматы) въ соответствующемъ каждому возраженію (еретиковъ) порядкѣ и сильнѣйшими доказательствами вооружимъ на нихъ всегда побѣждающую истину. Присемъ опять возраженіе со стороны тѣхъ (еретиковъ) будетъ поставлено прежде опровергающихъ его доказательствъ, какъ побуждающее подвергать предметъ точнѣйшему изслѣдованію,—и на подобіе стремительно текущаго потока увлекающіе читателей съ полною охотою узнавать опроверженіе (возраженія).

Возраженіе или противоположеніе со стороны еретиковъ.

„Если, говоритъ, въ Богѣ и Отцѣ не существуетъ другое Слово, единосущное и внутреннее, кромѣ Единороднаго изъ Него Сына, Который по подраженію Тому (внутреннему) также называется Словомъ: то отсюда получится нѣчто нелѣпое, — и намъ, думающимъ мыслить право, необходимо будетъ признать, что если Слово единосущно Отцу и Отецъ Слову, то уже не оказывается никакого препятствія къ тому, чтобы былъ и назывался Словомъ и Отецъ, какъ единосущный Слову“.

Опроверженіе на это.

Никкимъ образомъ, любезнѣйшіе, мы не вынуждаемся думать, что Отца надо мыслить и называть

---

¹⁾ т е Псал 2, 7: *Сынъ Мой еси Ты* и пр

Словомъ, или вѣрить возможности этого только потому, что Онъ единосущенъ Слову: ибо предметы одинаковой природы конечно не должны допускать превращенія другъ въ друга и принимать какое-либо смѣшеніе одного съ другимъ, такъ чтобы обозначаемые предметы могли изъ множества сокращаться въ единицу, или, напримѣръ, и изъ двоицы въ единицу. Если праотець Адамъ былъ единосущенъ рожденному отъ него дитяти, то поэтому вѣдь отецъ не перейдетъ въ сына и сынъ также не обратится въ отца, но при одинаковости сущности ¹⁾ каждый будетъ имѣть свое особенное ²⁾ свойство, — и каждый рожденный отъ отца долженъ быть мыслимъ какъ сынъ, также какъ и родитель кого-либо оказывается отцомъ. И если вы считаете мудрымъ свое толкованіе этого, и единосущіе вынуждаетъ единосущное быть единымъ единосущному и не дозволяетъ быть никакому различію, такъ чтобы каждое существовало само по себѣ, а не въ томъ, въ чемъ оно есть: то что же заставило Судію всѣхъ не наказывать отца за сына, а сына не подвергать наказанію за отца? Ибо *душа, говоритъ, согрѣшающая, та умретъ: сынъ же не возметъ грѣха отца своего и отецъ не возметъ грѣха сына своего* (Иезек. 18, 20). Итакъ, какъ слово Праведнаго Судіи ни отца единосущнаго сыну не низводитъ на мѣсто сыновства, ни сына не возводитъ въ положеніе отчества, но знаетъ то и другое особо, ни это не переходящимъ въ то, ни то не превращающимся въ это, хотя у обоихъ и одна сущность: то отсюда явствуетъ, что ничто уже не вынуждаетъ превращать Бога и Отца въ бытіе Слова, хотя Онъ и единосущенъ Слову,

---

¹⁾ Буквально: при единствѣ существеннаго качества (или качества сущности)

²⁾ т. е. личное

но безъ сомнѣнія остается Самимъ Собою, тоестъ Отцомъ, хотя Рожденный отъ Него мыслится и существуетъ какъ Слово и посему какъ Сынъ, чтобы такимъ образомъ божество не оказалось даже ниже насъ.

Иное, въ соответствии возраженію, чрезъ приведеніе къ нелѣпости.

Какъ не имѣющей никакого различія ¹⁾ съ Своимъ Отцомъ, будучи наиточнѣйшимъ образомъ и начертаніемъ ипостаси Его (Евр. 1, 3), Сынъ оказывается говорящимъ къ Своимъ ученикамъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). Но если, будучи таковымъ, Онъ единосущенъ Отцу, а единосущные предметы допускаютъ смѣшеніе другъ съ другомъ, то ничто, повидимому, не воспрепятствуетъ Сына, какъ единосущнаго Отцу, представлять Отцомъ и нѣтъ никакого препятствія переходить Ему въ это, какъ скоро единосущіе можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для такого превращенія или переставленія. Посему Сынъ пусть мыслится какъ Отецъ и, какъ таковой, пусть говоритъ къ дѣйствительному Отцу: *изъ чрева прежде Денницы родихъ тя* (Псал. 109, 3),—пусть принимаетъ на Себя и всякое вообще, подобающее Отцу, изреченіе. А какъ скоро это будетъ, то все уже смѣшается и что вѣсегда было одинаково, тоестъ Святая и Единосущная Троица въ концѣ концовъ сократится въ единицу, если на основаніи единосущія будетъ уничтожено присущее Каждому (Лицу Святыя Троицы) собственное и особенное (личное) свойство и тождество природы низвернуть различіе лицъ. Но это нелѣпость. Слѣдовательно Отецъ, какъ единосущный Слову, не можетъ быть Словомъ, но долженъ оста-

¹⁾ т. е. по сущности, а не по личности

ваться неизмѣннымъ, будучи тѣмъ что есть, хотя и имѣетъ со Своимъ Словомъ одну природу или единосуще. Такъ наконецъ оказывается пустымъ возраженіе ихъ.

Иное. Если всякое слово есть слово кого-либо, то есть испускающаго съ языка или изъ сердца отрывающаго и износящаго, а Отецъ будетъ Словомъ, такъ какъ единосущенъ Слову: то будетъ уже Словомъ Себя Самого, и никого болѣе, — или и совсѣмъ не существуетъ; ибо какимъ образомъ будетъ Словомъ, когда нѣтъ никого, кому принадлежитъ Слово? Но это нелѣпо; ибо божественная и несложная природа отнюдь не можетъ быть причастна небытію ¹⁾, ни Отецъ не можетъ перейти въ Слово, хотя и единосущенъ Слову, но остается Отцемъ, Коего Сынъ есть и Слово.

Иное. Если вѣруемъ, что божественная природа не допускаетъ какого либо превращенія и измѣненія по отношенію къ своей сущности, то какимъ образомъ Отецъ, какъ бы оставивъ Свое мѣсто, можетъ превратиться въ бытіе Слова? Вѣдь Онъ будетъ причастенъ измѣненію, какъ подвершійся сему по необходимости, — не будетъ тѣмъ же, какъ не сохранившій того, чѣмъ Онъ былъ изначала. А если это нелѣпо, ибо измѣняемость совершенно чужда божественной природѣ: то Отецъ слѣдовательно не можетъ подвергаться превращенію въ Слово, но всегда будетъ Отцомъ, обладая, какъ Богъ, непреложностію и неизмѣняемостію.

Иное—отъ того же, истолковательно ²⁾.

Единородное Слово Бога и Сынъ, показуя Себя Богомъ истиннымъ отъ Бога Отца истиннаго явив-

---

¹⁾ т е перестать быть тѣмъ, что она есть. и нг Отецъ—Отцемъ а Сынъ—Сыномъ.

²⁾ г е отъ Писанія

шимся, говорить: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Иоан. 16, 15). Но хотя Сынъ и есть наслѣдникъ всѣхъ присущихъ Отцу по природѣ свойствъ, существуя изъ Него по природѣ, однакоже никогда не можетъ стать Отцомъ, ибо это—одно изъ присущихъ Родителю свойствъ, и Сынъ останется, не лишаясь ничего изъ присущаго Отцу (по природѣ), хотя и не мыслится какъ Отецъ, но имѣя въ Себѣ совершеннымъ образомъ всѣ свойства и особенности сущности Отца. Примѣнивъ тоже самое разсужденіе и къ лицу Отца, скажемъ, что Онъ имѣетъ всѣ свойства природы Сына, однако отнюдь не можетъ перейти въ сыновство и въ бытіе Слова, но, какъ неизмѣнный по природѣ, остается тѣмъ что есть, такъ что кромѣ бытія Богомъ и Отцемъ Онъ существуетъ и какъ неизмѣняемый, неизмѣняемымъ имѣя въ Себѣ явившееся изъ Него Слово, тоестъ Сына.

Иное. Законодатель и Богъ обвинялъ нѣкоторыхъ чрезъ святыхъ Пророковъ, говоря такъ: *между святымъ и сквернавымъ не разлучаху* (Иезек. 22, 26). Въ дѣйствительности же оказывается между ними великое различіе нравовъ или даже противоположность у тѣхъ, кои желаютъ судить правильно. Но если допустить смѣшеніе между собою по природѣ единосущныхъ предметовъ и если существа съ своими особыми и недѣлимыми ипостасями будутъ переходить въ какое угодно другое существо того же рода или вида: то что же въ такомъ случаѣ отличаетъ нечестивца отъ святыхъ, какъ скоро никакого не оказывается между ними различія въ личныхъ свойствахъ, а по тожеству сущности одно заключается въ другомъ? Тогда у насъ все безъ всякаго различія смѣшается со всѣмъ,—и предатель Іуда будетъ Петромъ или Павломъ, какъ единосущный Петру и Павлу, а

Петръ въ свою очередь или Павелъ будутъ Иудею, какъ единосущные съ нимъ. Но думать такъ безмысленно,— и тожество сущности отнюдь не можетъ уничтожать различія между собою существъ однородныхъ или одновидныхъ. Такъ и наша немощность предъ божественною сущностію отнюдь не можетъ принудить къ тому, чтобы Богъ и Отецъ былъ и назывался Словомъ только потому, что Онъ единосущенъ Слову. Онъ всегда остается Отцомъ, безъ всякаго вреда различію бытія личнаго отъ тожества сущности и безъ ущерба тожеству сущности отъ личности,—и въ этомъ Онъ нисколько не преимуществуетъ предъ Сыномъ, напротивъ—являетъ Его истиннымъ и имѣющимъ отъ Него по природѣ непреложность и неизмѣняемость Родившаго,—и, по скольку Самъ Онъ особо (лично) и только Одинъ обладаетъ сыновствомъ, не превращается въ Отца, какъ и Отецъ не превращается въ Сына.

Другое возраженіе или противоположеніе со стороны еретиковъ.

„Не справедливо, говорятъ, вы нападаете, какъ на не право мыслящихъ, на тѣхъ, кои говорятъ, что въ Богѣ и Отцѣ есть другое внутреннее ¹⁾ Слово помимо Сына, хотя и слышите Его въ евангельскихъ повѣствованіяхъ ясно говорящимъ: *вѣмъ Отца и слово Его соблюдаю* (Іоан. 8, 55). Если же Онъ, какъ Самъ утверждалъ, соблюдаетъ слово Отца, то безъ сомнѣнія и необходимо долженъ былъ быть другимъ по сравненію съ нимъ (Словомъ), такъ какъ соблюдающій долженъ различаться какъ другой по отношенію къ соблюдаемому“.

¹⁾ ἐμφαν. букв. врожденное

Слѣдуютъ различныя рѣшенія, показывающія ясно, что Слово есть Сынъ Бога и Отца.

Если Самъ Единородный Сынъ Бога и Отца не есть Слово Его, но существуетъ въ Богѣ другое нѣкое (Слово) помимо Его, Которое называютъ внутреннимъ, то держащіяся противоположнаго мнѣнія пусть скажутъ намъ: измышляемое по невѣжеству ихъ Слово — ипостасно, или нѣтъ? — Если скажутъ, что Оно существуетъ Само по Себѣ въ собственной ипостаси, то безъ сомнѣнія должны будутъ признать бытіе двухъ Сыновъ. А если скажутъ, что Оно не ипостасно, при отсутствіи всякаго уже посредства и раздѣленія между Сыномъ и Отцомъ, то какимъ образомъ будетъ третьимъ изъ Отца, а не наоборотъ — непосредственно, какъ Сынъ въ отношеніи къ Отцу?

Иное, посредствомъ тѣхже созерцаній.

Противники утверждаютъ, что въ Богѣ и Отцѣ существуетъ внутреннее Слово, чрезъ Которое, по ихъ нелѣпнѣйшему предположенію, Сынъ узнаётъ волю Отца. Но сколько глупости заключаетъ въ себѣ ихъ ученіе объ этомъ, это заслуживаетъ разсмотрѣнія. Объ этомъ предметѣ мы должны разсуждать такимъ образомъ: имя „Отецъ“ въ отношеніи къ Сыну не допускаетъ необходимости ни въ какомъ привходящемъ посредствѣ, ибо какое же можетъ быть посредство Отца къ Сыну, или обратно — Сына къ Отцу? Но если, по ихъ неразумному ученію, Сына отъ Отца отдѣляетъ посредствующая воля и внутреннее Слово, Которое они и называютъ истолкователемъ ея (воли Отца): то Отецъ уже не будетъ мыслиться вполне Отцомъ, и ни Сынъ — Сыномъ, какъ скоро мы будемъ мыслить пребывающими въ собственныхъ ипостасяхъ какъ волю Бога такъ и открывающее ее Слово. А если усвоимъ имъ существованіе неипостасное, и Сынъ слѣдовательно находится

въ Богѣ и Отцѣ непосредственно и нераздѣльно: то гдѣ же тогда будетъ внутреннее Слово, или какое значеніе ¹⁾ будетъ имѣть воля, мыслимая какъ другая помимо Сына?

Иное, чрезъ сведеніе къ нелѣпости.

Вѣруемъ, что единосущна святая и поклоняемая Троица, хотя бы безуміе еретиковъ и не желало этого. Но единосущнымъ, полагаю, должно допускать сходство другъ съ другомъ во всемъ, по отношенію природныхъ свойствъ. Если такимъ образомъ, по безразсудному ученію нѣкоторыхъ, существуетъ въ Богѣ и Отцѣ нѣкое другое внутреннее Слово помимо Сына, то и Сынъ конечно будетъ имѣть въ Себѣ внутреннее Слово, поелику Онъ есть образъ Его (Отца) и точное начертаніе ипостаси, какъ написано (Евр. 1, 3). А подобно Ему будетъ имѣть и Духъ Святой, на основаніи таковыхъ же соображеній. Отсюда Троица стала у насъ въ удвоенномъ видѣ и божественная природа является уже въ сложеніи. Но это нелѣпо. Въ простыхъ сущностяхъ нѣтъ ничего другаго помимо ихъ, ничто слѣдовательно не воспрепятствуетъ Святой и Единосущной Троицѣ быть соединенною нераздѣльно, безъ всякаго посредства.

Иное—истолковательно (отъ Писанія).

Когда божественное Писаніе ставитъ имена съ предвѣряющими ихъ членами, тогда оно обозначаетъ нѣчто единое, чтò одно только въ собственномъ и истинномъ смыслѣ есть таково, каковымъ называется. А когда не присоединяетъ члена, то дѣлаетъ общее указаніе на все, что обозначается именемъ. Такъ на примѣръ называются *многіе боги*—πολλοὶ θεοὶ (1 Кор. 8, 5). Но когда говорится съ членомъ ὁ θεός, то ука-

1) Букв. мыслью

зываетъ только на одного Бога, истиннаго и въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ просто и безъ члена употребляемое, это имя можетъ обозначать кого либо одного изъ названныхъ такъ по благодати. И еще: *ἄνθρωποι πολλοί*—люди многіе; но когда Спаситель говоритъ съ членомъ: *ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου*—Сынъ Человѣческій, то обозначаетъ Себя какъ избраннаго (и отличнаго) отъ тысячъ (другихъ всѣхъ людей). При такомъ значеніи и употребленіи именъ въ божественномъ Писаніи, какъ же, слѣдовательно, надо разумѣть выраженіе: *въ началѣ бѣ Слово*—*ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος?* Если этимъ обозначается всякое слово Божіе, какъ существующее въ началѣ, то доказательство пусть будетъ на ихъ сторонѣ, мы же окажемся пустословами. А если Евангелистъ, поставивъ впереди членъ (*ὁ* предъ *λόγος*), указываетъ на единое и въ собственномъ смыслѣ Слово, восклицая: *въ началѣ бѣ ὁ Λόγος*: то зачѣмъ же понапрасну спорять, вводя другое Слово, чтобы только удалить Сына отъ сущности Отца? Посему тѣмъ, кои уразумѣваютъ нелѣпость этого, надлежитъ отречься отъ безразсудства иномыслящихъ.

Иное, доказывающее, что не по внутреннему слову, какъ утверждаютъ тѣ, образуется Сынъ, но Онъ есть образъ самого Отца.

Если Единородный Сынъ Божій, по ихъ мнѣнію, есть и называется словомъ потому, что, пріемля внутреннее Слово Отца, Онъ какъ бы образуется соотвѣтственно Ему (Слову), то почему же Онъ не говоритъ Своимъ ученикамъ такъ: Я и Слово Отца едино есмы, видѣвый Меня видѣлъ Слово Отца? Поелику же, минуя все, Одинъ Одному Отцу Себя уподобляетъ, то, при отсутствіи всякаго посредства между Ними въ отношеніи къ подобію, Сынъ долженъ быть мыслимъ

подобнымъ Самому Родителю и никому другому кромѣ Него.

Противоположеніе со стороны противниковъ.

„Другимъ, говорятъ, отличнымъ отъ внутренняго Слова Божія мы находимъ Сына, внимая въ этомъ не своимъ мыслямъ, но созерцаніямъ отъ божественнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, что скажемъ мы, когда услышимъ Сына говорящимъ къ Отцу: *прославь Твоего Сына*,—а Отца съ Своей стороны отвѣчающимъ и говорящимъ: *и прославихъ, и наки прославию* (Іоан. 12, 28)? Не должны ли мы согласиться, что Отецъ отвѣчаетъ Сыну конечно въ Словѣ? Какъ же не другое помимо Сына должно быть То (Слово), чрезъ которое Отецъ отвѣчаетъ Ему (Сыну)?“

Слѣдуютъ различныя на это опроверженія.

Заслуживаютъ удивленія, вѣрнѣе же—оплакиванія нечестивые еретики, и о нихъ должно говорить сказанное у Пророковъ: *не плачьте мертваго, ниже рыдайте о немъ*: плачьте плачемъ (Іерем. 22, 10) о томъ, кто думаетъ и говоритъ таковое о Сынѣ, ибо что можетъ быть горестнѣе того, чтобы заподозрить истинность и подлинность сего гласа Отца, который (гласъ) слышалъ не одинъ Спаситель, но и само окрестъ стоявшее множество Іудеевъ, даже хоръ святыхъ учениковъ? Имъ надлежало, напротивъ, представлять себѣ свойственныя божеству преимущества, а не пытаться подчинять нашимъ законамъ то, что выше насъ. Тѣлесный голосъ и звукъ, пущенный въ воздухъ посредствомъ усть или изданный чрезъ какое либо другое орудіе, ударяетъ въ слухъ тѣла. Волю же Отца, вращающуюся въ неизреченныхъ посредствомъ голоса звукахъ и какъ бы въ умѣ, вѣдаетъ одинъ только, природно существующій въ Немъ, Сынъ,

какъ премудрость Его. Совершенно невѣроятно предпо- лагать, что Богъ пользуется рѣчью посредствомъ звука, если думаемъ сохранить у Верховной Природы свой- ства, превышающія тварь. Впрочемъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не сказалъ, что то былъ са- мый гласъ Бога и Отца, но и Себя Самого не показы- ваетъ нуждающимся въ толкованіи отъ другаго кого для узнанія воли Отца, говоря: *не ради Меня гласъ сей былъ, но ради васъ* (Іоан. 12, 30). Не слѣдовало ли, любезнѣйшіе, если вы это правильно думаете о Немъ, сказать скорѣе такъ: „вы услышали со Мною гласъ Отца“. Теперь же, давая совершенно противо- положное значеніе этому, Онъ не говоритъ, что Самъ имѣлъ нужду въ гласѣ, а напротивъ утверждаетъ, что онъ (гласъ) былъ для тѣхъ,—и не *провозглашенъ* отъ Отца, но *былъ* и для тѣхъ. И если Богъ и Отецъ совершаетъ все чрезъ Него (Колос. 1, 16), то безъ сомнѣнія и это чрезъ Него, вѣрнѣе же—Самъ Онъ былъ гласъ сей, изъясняя намѣреніе Родившаго не Себѣ Самому,—ибо зналъ, какъ Сынъ,—но слуху ок- рестъ стоявшихъ, дабы увѣровали.

Иное. Если Сынъ, говорятъ, нуждался въ какомъ-то природномъ (внутреннемъ) словѣ, чтобы узнавать отъ него волю Бога и Отца, то что же будетъ тогда съ Павломъ, говорящимъ: *Христосъ—Божія сила и Бо- жія премудрость* (1 Кор. 1, 24)? Какимъ образомъ Сынъ есть премудрость Отца, если, будучи лишень премудрости, получаетъ совершенное (знаніе) отъ дру- гаго, посредствомъ наученія тому, чего очевидно не знаетъ? Или развѣ не необходимо будетъ утверждать, что не совершенна въ Отцѣ премудрость Его? И если Сынъ есть премудрость Отца, то какимъ образомъ воля можетъ быть мыслима другою отличною отъ Него? Вѣдь тогда придется утверждать, что воля Бога

и Отца совершается не въ премудрости. Но великое заключается въ этомъ нечестіе и такое разсужденіе оказывается всецѣлымъ богохульствомъ. Итакъ, не какъ получающій наученіе отъ другаго, Сынъ знаетъ волю Своего Отца, но Самъ будучи Слово и Премудрость и Воля, *вся испытуетъ, и глубины Божіи* (1 Кор. 2, 10), какъ нѣгдѣ написано и о Духѣ.

Иное. Священные Писанія представляютъ намъ Сына какъ *образъ* и точное *начертаніе* Отца (Евр. 1, 3),—и Самъ Спаситель нѣгдѣ говоритъ: *видѣвый Меня видѣлъ Отца* (Іоан. 14, 9). Но если, имѣя такое подобіе съ Нимъ, Онъ не знаетъ Самъ по Себѣ то, что въ Немъ (Отцѣ), и для узнанія нуждается какъ бы въ изъясненіяхъ со стороны другаго: то такимъ же придется считать и Самого Отца, если Онъ (Отецъ) имѣетъ подобіе съ Сыномъ, но и Самъ будетъ нуждаться въ истолкователѣ того, что находится неяснаго въ Сынѣ. И такимъ образомъ, кромѣ вытекающихъ отсюда нелѣпостей, божественная природа оказывается у насъ причастною и невѣдѣнію. Но поелику такъ мыслить нечестиво, то слѣдуетъ обратиться къ богоприличному ученію, ибо оно оказывается превосходнымъ и съ истиною согласнымъ.

Иное. *Вся*, говоритъ блаженный Павелъ, *Духъ испытуетъ, и глубины Божіи* (1 Кор. 2, 10),—и кромѣ того: *кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ чловѣка, иже въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій, иже въ Немъ* ¹⁾ (—ст. 11). Если такимъ образомъ все испытующій Духъ Святыи есть (Духъ) не только Отца, но и Сына, то какимъ же наконецъ образомъ можетъ незнать чего-либо изъ имѣющагося въ Родившемъ Тотъ, Кто по природѣ

¹⁾ Св Кир чит какъ немц: τὸ ἐν αὐτῷ

имѣеть въ Себѣ Духа, вѣдущаго все? Посему излишнимъ уже окажется думать, что Сынъ узнаеть волю Отца чрезъ другаго, и безъ сомнѣнія упразднится нужда въ напрасно посредствующемъ Словѣ, по ихъ невѣжественному ученію, ибо все знаетъ Сынъ Самъ изъ Себя.

Иное—чрезъ сведеніе къ нелицности.

Обвиняющіе сущность Единороднаго, говоря, что Онъ не знаетъ волю Отца и для узнанія пользуется, какъ бы какимъ учителемъ, измышленнымъ ими другимъ Словомъ, которое и называютъ внутреннимъ, пусть скажутъ намъ, если думаютъ выдерживать свое мнѣніе о семъ: станутъ ли они утверждать, что внутреннее Слово существуетъ по природѣ равнымъ Сыну,—ибо должно предполагать, что Оно существуетъ уже само по себѣ ипостасно,—или же неравнымъ, но худшимъ ли, или даже лучшимъ? И если они признають Его меньшимъ, то будутъ нечестовать и на Самого Отца, ибо тогда должно быть въ Немъ нѣчто худшее Его и отличное отъ Него, тоестъ внутреннее Слово. А если не назовутъ Его худшимъ, но представятъ Ему быть лучше, чѣмъ Сынъ, то двойное будетъ на Отца обвиненіе за Сына: вопервыхъ—Онъ окажется родившимъ худшее, чѣмъ Онъ есть Самъ,—а потомъ и Самъ, кромѣ того, будетъ имѣть лучшимъ внутреннее Слово, какъ скоро Отецъ единосущенъ Сыну, Который, по ихъ мнѣнію, ниже Слова. Но наши противники должны конечно отказаться отъ того и другаго богохульства и сказать, что внутреннее Слово Отца по сущности равно Сыну. Такъ разрѣшается вопросъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ одинъ будетъ учить другаго, какъ вѣдущій незнающаго, если оба равны по природѣ? Такимъ образомъ, при всецѣломъ безсиліи ихняго разсужденія, въ концѣ концовъ оказалось бы излишнимъ придумывать по-

средника между Отцемъ и Сыномъ, наоборотъ—необходимо вѣровать, что Самъ Онъ есть сущее въ Богъ - Отцѣ Богъ - Слово, Которое было въ началѣ.

Иное. Въ Сынѣ, говоритъ блаженный Павелъ, всякой премудрости и всякаго знанія сокрыты сокровища (Колос. 2, 3). Но если онъ говоритъ это истинно, то какъ же могли бы мы предполагать Его нуждающимся еще въ наученіи отъ другаго, или въ комъже наконецъ мы найдемъ совершенство знанія, если Имѣющей все знаніе умудряется отъ другаго? И вообще можетъ ли умудряемое быть премудростью? Но поелику намъ необходимо внимать не ихнимъ словамъ, но изреченіямъ чрезъ Духа, Сынъ же, какъ говоритъ Павелъ, имѣетъ въ Себѣ *сокровища премудрости и всякаго знанія*: то не отъ кого другаго долженъ познавать премудрость, но, будучи въ Отцѣ, знаетъ все Отчее, какъ премудрость Его.

Г Л А В А V.

О томъ, что Сынъ есть по природѣ Творецъ вмѣстѣ съ Отцомъ, какъ сущій изъ Его сущности, а не какъ слуга приемлемый (для сего).

Вся Тъмъ (чрезъ Него) быша, и безъ Него бысть ни что же ¹⁾.

Опровергнувъ хитросплетенныя возраженія нечестивыхъ еретиковъ и соткавъ намъ тонкое и точнѣшее слово о Едишородномъ, блаженный Евангелистъ переходитъ къ другой сѣти діавола, составленной изъ несконнаго обмана и невлекающей на насъ жало многобожнаго заблужденія, которая *многихъ уязвивши низверже* (Притч. 7, 26),—и, изобрѣтши путь погибели и

¹⁾ Относительно особенности чтенія Св. Кирилломъ этого мѣста см. примѣч. въ слѣд. главѣ

раскрывъ широкую и просторную дверь смерти, собрала въ адъ великое множество человѣческихъ душъ, предоставляла діаволу какъбы обильную пищу и *пищи* приносила ему *избранныя* (Аввак. 1, 16). Поелику дѣти Еллиновъ, изучая мудрость міра и въ свой умъ обильно внѣдряя духъ князя вѣка сего, увлекались въ многобожное заблужденіе и отвращались отъ красоты истины,—одни, подобно ходящимъ въ слѣпотѣ и тьмѣ, низвергались въ яму отъ собственнаго невѣжества, служа бездушнымъ идоламъ и дереву говоря: *Богъ мой еси ты*, и камню: *ты мя родилъ еси* (Іерем. 2, 27),—а другіе, впадая хотя также и въ родственныя тѣмъ ошибки, но предаваясь болѣе тонкому заблужденію, думали, что должно служить *твари вмѣсто Творца* (Римл. 1, 25), и одной только божественной природѣ подобающую славу воздавали созданнымъ ею стихіямъ: то Богословъ почелъ необходимымъ указать намъ на Единороднаго, какъ на Творца и Создателя по природѣ, сказавъ, что *все чрезъ Него было, и безъ Него ничто* не перешло въ бытіе, дабы преградить ихнимъ обманамъ дальнѣйшій ходъ и незнающимъ показать Творца всѣхъ бытій,—а чрезъ то, что тварь называется созданною, чрезъ это самое ясно научить, что другой есть отличный отъ нея Тотъ, Кто призываетъ къ бытію и неизреченною силою переводитъ изъ несуществующаго существующее къ бытію. Вѣдь такимъ образомъ было уже возможно отъ красоты тварей соотвѣтственно созерцать и Художника и познавать истиннаго Бога, чрезъ Коего все какъ произошло уже, такъ и происшедшее сохраняется. Вотъ это-то Евангельское ученіе я и почитаю нужнымъ выставить противъ лжеслуженій Еллиновъ,—и по этой именно причинѣ, думаемъ, святымъ гласомъ (Евангелиста) Единородный введенъ какъ Творецъ и Создатель.